

МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Михаил ЛАБАЩУК

© 2009

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КЛИШЕ (ФРАЗЕМОВ) В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

У статті аналізується корелятивність структури та семантики російських і польських фразем. Звертається увага на особливу актуальність розширеного розуміння фразеологічних одиниць в лінгвістичних дослідженнях і на виділення лексичних моделей утворення мовних одиниць.

Ключові слова: фраземи, мовні кліше, російська мова, польська мова, лінгвістика.

В межкультурном общении существует как ряд аспектов, препятствующих межличностному взаимопониманию, так и ряд аспектов, взаимопониманию благоприятствующих. Благоприятствует в первую очередь, конечно же, универсальная природа человека, универсальные закономерности социального взаимодействия и, главное, желание находить понимание даже в трудных случаях взаимных отношений. Препятствуют взаимопониманию нередко слишком различные национальные нравы, стереотипы и традиции, формирующие национальную картину мира. В национальной картине мира важнейшее значение во влиянии на индивидуальное сознание занимает язык. Существующие в языке модели и стереотипы с неизбежностью шаблонизируют мышление, а поэтому, затрудняя понимание, входят в противоречие с моделями и стереотипами какого-либо другого языка. Абсолютное незнание или слабое знание стереотипов своего языка, а также стереотипов иностранного языка создает видимость (при возможных определенных коммуникационных конфликтах или сбоях) непосредственных конфликтов мышления. Между тем, значительная часть «конфликтов» мышления обусловлена отличиями в многочисленных моделях языка. Поэтому знание данных моделей языка обязательно не только для специалистов-лингвистов, но и более чем желательно для каждого человека, входящего в соприкосновение с культурой другого народа.

В данной статье мы не ставим целью анализировать отмеченные психолингвистические или социолингвистические аспекты, представим сугубо лингвистический, сравнительно-типологический анализ некоторых лексических моделей и образованных на их основе языковых клише (frazemów) в русском и польском языках (см.: Chlebda; Lewicki; Muldner-Nieckowski; Awdiejew; Лещак и др.). Таким образом, обратим внимание только на одно интересное явление в системе языка, именно на языковые клише. Данные единицы очень многочисленны и разнообразны и присутствуют в любом языке. Типологическое разнообразие языковых клише представлено очень широко, что является причиной различных их терминологических номинаций, интерпретаций и, соответственно, классификаций.

В языке традиционно различают и противопоставляют модели внутренней формы языка (или правила грамматической структуры языка) и систему лексических значений. Тем не менее можно отметить, как минимум, несколько языковых моделей, которые связывают, а не противопоставляют разнополюсную направленность внутренней формы языка и системы лексических значений. «Наблюдение за нормативной речевой семантикой и нормативным использованием в речи лексических единиц языка обнаруживает речевые семантические явления, выходящие за пределы семантики языкового знака или же закономерно (регулярно) варьирующие его семантику, но при этом не обусловленные формальными особенностями построения речи» (Лещак 2004: 71).

Исследователи в последнее время обращают внимание на лексические модели языка в связи с самыми разными целями, тем не менее это внимание свидетельствует о важности и

актуальности данной категории языка. А.Авдеев и Г.Хабрайская выделяют данные модели в связи с теорией коммуникативной грамматики языка, решая при этом целый ряд проблем интерпретации текста. Лексические модели ими определяются (в узком значении) как тип аналитических конфигураций, имеющий возможность субституции по крайней мере одного из компонентов при сохранении формальной схемы модели и ненарушении принципа коммуникативности. Выделяются модели с ограниченной и неограниченной субституцией компонентов: «Modele z dużymi zbiorami substytutów, których klasy substytucyjne nie są wyraźnie określone, sblżone są do swobodnych połączeń wyrazowych» (Авдеев, Хабрайская 2004: 70). Причем, характерно, что: «Wymiennosc elementów nie jest przypadkowa, jest ona możliwa w ścisłych granicach wyznaczników parametrycznych, określonych przez normy zwyczajowe» (там же: 91).

Таким образом, одним из самых показательных примеров гибкости связи между инвариантностью внутренней формы языка и инвариантностью лексической системы языка являются модели лексической сочетаемости, которые занимают промежуточное место и выполняют роль посредника между лексическими единицами и грамматическими моделями образования словосочетаний. В качестве типичных примеров лексических моделей языка можно привести следующие:

(видеть, слышать, сделать, додуматься, дойти, доработаться...) собственными/своими глазами (ушами, руками, головой, ногами, горбом, умом, терпением.);
в скольких-то минутах (часах, днях) ходьбы (езды, полета);
человек (кто-то) с какими-то руками (глазами, ногами) ;
верх подлости, хамства, жадности, глупости;
вызывать (восхищение, восторг, гнев, интерес, ажиотаж...);
выйти (выходить, выводить) из равновесия, из терпения (см.: Лещак 2004: 73-74).

Лексические модели – это не конкретные синтагмы текста с конкретными лексическими единицами; это не грамматические модели или конструкции (алгоритмы) языка, это также не клише или фразеологизмы, это и не свободные словосочетания. Лексические модели – это, скорее, семантические схемы, часто без лексики (схемы ограниченной лексической сочетаемости) или же это схемы с опорными (ключевыми) типичными словами-гетеронимами или синонимами.

В любом языке не так уж трудно выявить достаточное количество примеров моделей лексической сочетаемости. Например,

выступить с предложением, речью, заявлением, докладом...;
выражать/высказывать согласие, мнение, протест, предположение...;
вести/проводить переговоры, беседу, спор, урок...;
быть в + [номинал психического состояния] смятении, ужасе, гневе, замешательстве, расстройстве, восторге, смешанных чувствах...

Легко видеть, что данные конструкции могут представлять как фразеологические сочетания (языковые клише), например, «выражать протест», «выражать предположение» и др., так и свободные словосочетания, например, «выражать мысли», «выражать понимание». В то же время данные лексические модели часто являются моделями ограничения сочетаемости, например, допустима сочетаемость «вести урок», но не допустима сочетаемость «вести лекцию» (но «читать лекцию»).

Можно предполагать, что в разных языках языковые клише могут, но не должны совпадать по своей формальной структуре. Это видно на примере сопоставительного анализа подобных конструкций в русском и польском языке. Представим несколько парных коррелятивных примеров языковых клише русского и польского языков:

– в первую очередь // во вторую // в предпоследнюю // в последнюю // в свою очередь - w pierwszej kolejności // w drugiej // w trzeciej // w przedostatniej // w ostatniej // z kolei

[данная коррелятивная пара языковых клише практически полностью (кроме пары «в свою очередь» – «z kolei») совпадает в двух языках в лексическом составе (но не в грамматической структуре). Языковая лексическая модель является потенциально неограниченной (возможны сочетания типа «в пятую, двадцатую..., предпредпоследнюю очередь» и др), однако реально она ограничивается практической необходимостью и возможностью коммуникативного счета явлений. Причем, в польском языке субститутивность в модели гораздо выше: ср. возможность фразем *w czwartej kolejności, w piątej kolejności...*]

– без (какого-либо) сомнения // всякого // малейшего // какого бы то ни было // - pl bez jakichkolwiek wątpliwości // żadnych // najmniejszych (sing: bez wątpienia)

[в данной паре языковых клише обращает на себя внимание асимметрия в грамматическом числе существительного]

– в (каком-либо) случае // противном // крайнем // данном // первом // втором // последнем // ни в коем случае – w przeciwnym przypadku // w ostatecznym przypadku = w ostateczności // danym // pierwszym // drugim // ostatnim // w żadnym wypadku/w żadnym razie

– в случае чего // опасности // угрозы // аварии // появления... (сыпи) // проявления (побочных эффектов) – w razie czego // w przypadku niebezpieczeństwa // zagrożenia // awarii // pojawienia się (wysypki) // wystąpienia (efektów pobocznych)

– на (какой?) случай // любой // крайний // всякий – w ostateczności, w ostatecznym przypadku

– в пределах зависимости // досягаемости // видимости // компетенции // способностей (но не настроения, желания...) – w ramach zależności // osiągalności (tylko w zakresie osiągalności) // widoczności (tylko w polu widoczności) // kompetencji...

– в ходе дела, процесса, следствия, расследования, интервью (но недопустимо «в течение») – w trakcie procesu // postępowania // śledztwa // wywiadu...

– «впадать в спячку...» // в истерику // в отчаяние // в ярость // в тоску (однако недопустимы клише «впадать в злость, печаль», но только «поддаваться печали») (также недопустимы клише «впадать // в радость // в счастье») – zapadać/wpadać w śpiączkę // wpadać w histerię // wpadać w smutek // tęsknotę // rozpacz // we wściekłość...

[в отношении последней пары языковых клише недопустимая сочетаемость лексических единиц допустима в иной модели лексической сочетаемости: «охватило счастье, радость, злость, отчаяние, тоска, тревога» // «ogarnęła złość, smutek, tęsknota, rozpacz, niepokój, radość, szczęście...»]

Некоторые лексические модели сочетаемости можно представить в виде следующих схем:

Лексическая модель сочетаемости «заниматься (проявлять активность в какой-либо сфере деятельности) чем?... (объект/сфера деятельности):

	земледелием
	сельским хозяйством
	спортом
	наукой
	политикой
заниматься	музыкой
	искусством
	сексом
	собой
	воспитанием
	самообразованием

В польском языке данная лексическая модель сочетаемости передается при помощи не одной, а двух лексических моделей сочетаемости:

«uprawiać...»

	sport
	seks
uprawiać	politykę
	ziemię

zajmować się...

	sobą
	wychowaniem
	samokształceniem
	rolnictwem
zajmować się	nauką
	muzyką
	sztuką
	sportem
	polityką

Лексическая модель сочетаемости «**Проявлять** (обнаруживать какое-либо своеобразие в...) **что?** (вид психической активности, черта характера...)»:

	внимание
	интерес
	благоразумие
	нетерпение
проявлять	себя
	бескорыстие
	скромность
	находчивость

Лексической единице русского языка «проявлять» может соответствовать лексическая единица польского языка *okazywać*, однако лексическая модель с глагольным компонентом «проявлять» в польском языке асимметрично реализуется в следующих фраземах:

	(внимание) <i>poświęcać uwagę</i>
	(интерес) <i>zdradzać=wykazywać zainteresowanie</i>
	<i>wykazywać rozsądek / wykazywać się rozsądkiem</i>
	нетерпение/ <i>wykazywać/okazywać niecierpliwość</i>
<i>okazywać</i>	(себя) <i>wykazywać się -ą</i>
	(бескорыстие) <i>wykazywać bezinteresowność / wykazywać się bezinteresownością</i>
	(скромность) <i>skromność</i>
	(проявлять находчивость) <i>wykazywać się bystrością</i>

В свою очередь лексическая модель сочетаемости с глагольным компонентом «оказывать... (кого? что?)» тоже асимметрично реализуется в польском языке (см. ниже):

	услугу/услуги
	влияние
	давление
	сопротивление
оказывать	честь
	уважение
	помощь
	воздействие
	поддержку

В польском языке коррелятивность имеет следующий характер:

- оказывать честь/уважение – *oddawać szacunek*
- оказывать сопротивление – *stawiać opór/sprzeciw*
- оказывать помощь – *udzielać pomocy*
- оказывать поддержку – *udzielać poparcia/wspierać*
- оказывать влияние – *wywierać wpływ*
- оказывать давление – *wywierać nacisk*
- оказывать услугу/услуги (помагать) – *wyświadczać przysługę (z przyjaźni, z sympatii)*
- оказывать услуги (предлагать услуги) – *świadczyć usługi (za pieniądze)*

Наиболее продуктивным в корреляционном отношении к глагольному компоненту русского языка «оказывать» оказывается глагольный компонент польского языка «*wywierać*».

Продемонстрированная асимметрия языковых клише близкородственных языков – это всего лишь один из многочисленных аспектов, затрудняющих межкультурное взаимопонимание. Однако этот аспект нередко имеет гораздо большее значение и заслуживает более пристального внимания, чем это делалось в предшествующей традиции. Особенно важно значение исследований семантики, структуры и прагматики языковых клише для методики преподавания (и изучения) иностранного языка. Свидетельство актуальности представленной проблематики – резкое возрастание в последнее время количества и качества исследований воспроизводимых связанных словосочетаний языка (номинативного типа и нейтральной экспрессивно-эмоциональной семантики).

ЛИТЕРАТУРА

- Лещак С.А. (2004), *Современные русские языковые клише. Функционально-прагматический анализ. Дис. на соискание научной степени кандидата филологических наук*, Кельце.
Awdziejew A., Habrajska G. (2004), *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*, tom 1, Łask.
Chlebda Wojciech (2003), *Elementy frazeologii. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Łask.
Lewicki Andrzej Maria (2003), *Studia z teorii frazeologii*, Łask.
Muldner-Nieckowski P. (2007), *Frazeologia poszerzona*, Warszawa.

SUMMARY

The article analyzes correlation of the structure and semantics of Russian and Polish phrases. Calls attention to the special relevance of broader understanding of phraseological units in linguistic research and to the selection of lexical models of language units forming.

Key words: phrase, Russian language, Polish language, linguistics.

Мargarita НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА

© 2009

РУССКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ: МЕТАЗНАКИ ФОЛЬКЛОРА И ПАРАДИГМЫ ТРАДИЦИОННЫХ СМЫСЛОВ

Представляемый в статье материал⁵⁸ требует терминологического уточнения, а потому оговорим следующие, важные в контексте нашей темы, теоретические положения:

1. Паремиялогия любой традиции (в том числе русской или иной славянской) является частью сложного и многоуровневого семантического языка фольклора, что значит – фольклора как системы мифологического мироощущения носителей данной традиции (совокупность всех фольклорных текстов), фольклора как системы многовекового практического и ритуального коллективного опыта (совокупность метазнаков в кодировании

сакрального знания и, соответственно, сакрализованных смыслов), фольклора как коммуникативной системы, актуальной для коллектива-носителя традиции (и единицами этой системы являются традиционные смыслы семантического языка данного фольклора).

2. Каждый традиционный смысл, как единица собственно языка фольклора, представляет собой сложный семантический комплекс или совокупность знаний коллектива о любом субъекте живой или неживой природы, а также о реальной (или воображаемой) соотнесённости этих субъектов, их взаимодействии и функциях - при вербальном (а также невербальном, знаком) описании изначальной психофизической модели мира как модели космогонической, воссоздающей в фольклорных вербальных "образах" креативное начало мира и жизни - природной и человеческой, модели продуктивной, воссоздающей (в "образах") развёртывание устройства объективного и субъективного мира человеческого – порядок циклов природных (аграрных и календарных), циклов человеческой жизни и инициации (от рождения до смерти), модели социальной, воссоздающей проецирование этих общих для природы человека законов (как реальных, так и мифических) – законов жизни и развития семьи, рода, национальной культурной и языковой общности, в их сложнейшей иерархии и множественности вербальных воплощений.

3. Под парадигмой – и, в нашем случае, под парадигмой в широком смысле – подразумевается класс специфических семантических единиц русского фольклора (в первую очередь вербальных), противопоставленных друг другу и в то же время объединённых по наличию в них общего признака или скорее – признаков, каковыми являются традиционные смыслы. Причём каждый комплекс последних или один из них (независимо от конкретной реализации этого смысла-комплекса в вербальных знаках того или иного фольклорного текста, а у нас - в паремиялогической единице) всегда вызывает у носителей языка и культуры одинаковые

⁵⁸ Сокращённый вариант этой работы см.: Червинская М. Парадигматика традиционных смыслов русской паремиялогии. – [W:] *Slowotworstwo, semantyka i skladania jezykow slowiańskich*. T.1. Red. M.Blicharski, H.Fontański. Katowice 1999. – *Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego nr 1765*. - S. 194-202.